

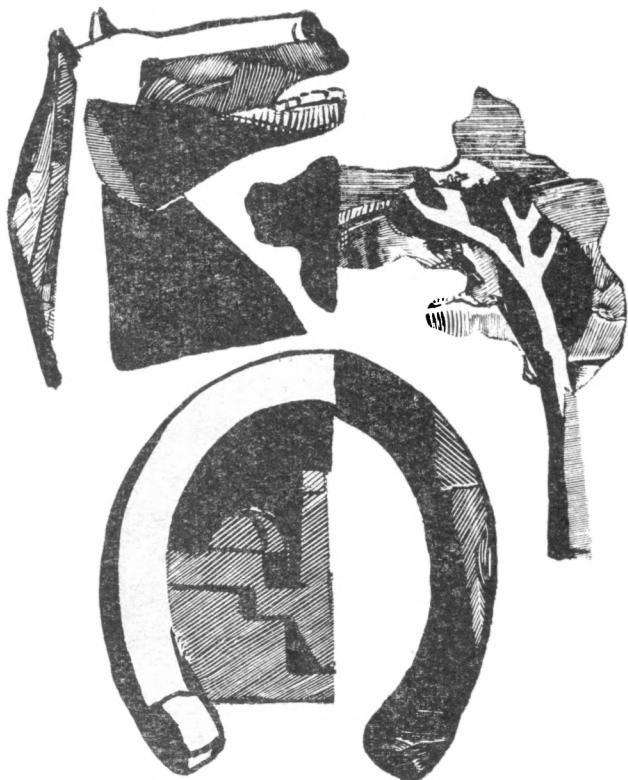
The image is a stylized graphic design on a blue background. It features several white and black shapes, including a large white circle at the top, a black circle at the bottom, and a central white circle containing a profile of a face. The face is rendered in a high-contrast, graphic style with black lines and shading. To the left of the face is a black, multi-pointed starburst shape. The text "ЭДУАРД БАБАЕВ" is printed in black, uppercase letters on a white horizontal bar that overlaps the top white circle. The text "КРАТЧАЙШИЕ ПУТИ" is printed in black, uppercase letters on a white horizontal bar that overlaps the bottom white circle.

ЭДУАРД БАБАЕВ

КРАТЧАЙШИЕ ПУТИ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА • 1969

ЭДУАРД БАБАЕВ

**РАТЧАЙШИЕ
ПУТИ**

СТИХИ

«Кратчайшие пути» — лирический дневник Эдуарда Бабаева. В книгу вошли стихи разных лет — о времени, пространстве, движении. Поэт изучает «И карту века, и закон любви». Тема единоборства человека с пустыней несет как исторический, так и современный смысл, что сообщает всей книге Эдуарда Бабаева лирическое и философское единство.

I

ДЕРЕВЬЯ

Деревья просыпаются до света.
Они опережают даже птиц,
Пока еще пустынно мостовые,
В песке забыта детская лопата
И около газетного киоска
Нет никого, да и киоск закрыт.

Они об этом ничего не знают.
У них своя воздушная забота.
Громада звезд уходит в вышину,
И на земле уже слабеют тени.
Прозрачными становятся деревья,
И медленно проходят облака,
Белы, как соль, на жестком синем небе.

Всю ночь была открыта дверь в подъезде.
По лестнице гуляли сквозняки.
Но были неподвижными деревья.
И вдруг кивнул листок, за ним другой,
Потом смелей, друг друга окликаая,

Качнулись ветви, и взметнулись тени
По плитам, по настилу и по стенам
До самого шестого этажа,
Где спит ребенок в люльке деревянной
И слушает сквозь сон, сквозь свет и тень
Какие-то неведомые звуки,
Те, из которых возникает мир.

САД

Возрастал до неба шелест лиственный,
И смола горела на коре.
Было детство, был и сад таинственный
Рядом с нефтебазой на горе.

Там гранат качал созвездья целые
И светились на исходе дня
Бирюза и раковины белые
На уздечке черного коня.

За горою синее сияние.
Каменные птицы на ветвях.
Конь в саду стоит как изваяние,
Только ходят молнии в горах.

■ ■ ■

О Марко Поло и Клавихо
Я все перечитал давно.
В читальном зале было тихо,
И загляделся я в окно.

Там был клочок иного неба,
Горела ранняя звезда.
А я родился там, где не был
И Марко Поло никогда.

ОДИССЕЙ

Мы поссорились из-за Гомера.
— Что за шутки! — сказал он в упор. —
В самом деле, ну что за манера
На Гомера сводить разговор!

Сколько гнева в речах, сколько яду!
Я его проводил до крыльца.
— Никогда, — говорит, — Илиаду
Я не мог дочитать до конца!

Он всегда возвращается с юга
В кругосветной тельняшке своей.
И нельзя обижаться на друга,
Если друга зовут Одиссей!

ЮНОСТЬ

Прозвенел фугасный осколок.

Поцелуй расставания долгов.

Вой сирены.

Война.

Дорога.

— Как зовут тебя?

— Слышишь? Тревога...

МНЕМОЗИНА

Кинохроника — все, как было,
Потрясенные города,
Что забыть могла, не забыла,
Все припомнила без труда!

Много серий — одна картина,
Продолжение впереди.
Кинохроника — Мнемозина,
Ты в глаза мои погляди.

В сером небе стволы зениток,
Дым пожарища и огни,
Кинохроника, этот свиток,
Эту летопись сохрани.

Воскреси же нас, день вчерашний,
И по имени назови —
Вот идут они в рукопашный,
Все живые и все твои!

ТИШИНА

На рельсах замерли колеса.
Такая в мире тишина,
Что сердце сжалось от вопроса:
Откуда и зачем она?

К ней настороженно и робко
Прислушивался весь вагон.
Что там — бомбежка или пробка,
Пойдет ли дальше эшелон?

В окно пахнуло земляникой
И свеяло дурные сны.
Минута тишины великой
В день окончания войны.

ПОЭТ

Он был поэт. И жил, как все,
Не пел, а говорил,
Кружился белкой в колесе,
Пока хватало сил,
Писал стихи, растил детей,
Все как заведено.
Любил он правду без затей,
Как хронику в кино.

Чтобы в его родном краю
Был крепок отчий кров,
Он в этом мире, как в бою,
Боялся праздных слов.

■ ■ ■

Дорога выведет к подножью.
А на горах, как ни крути,
И до сих пор по бездорожью
Ведут кратчайшие пути.

Пускай потом по ватерпасу
Бетон ложится под стопу.
Где землемеры тянут трассу,
Народ давно пробил тропу.,

ЖАЖДА

Привезли на машине
Драгоценный товар:
Голубые кувшины —
В Бухару на базар.

Эй! Колпачный, горшочный,
Скобяные ряды,
Вот кувшин для проточной
Зеравшанской воды!

Сгусток розовой глины
С хорезмийской резьбой,
Голубые кувшины —
Небосвод голубой.

Я слышал еще юным
Эту сказку земли,
Будто жажду Меджнуна
Утолила Лейли.

Голубого товара
Не запомнит базар,

Чтобы шуму базара
Изумился гончар.

И последняя милость —
Волны смоят следы,
Если сердце разбилось
Иль кувшин у воды.

А живые преданья
Повторяются вновь.
Позабыты свиданья,
Не забыта любовь.

И привозят машины
Драгоценный товар:
Голубые кувшины
В Бухару на базар.

НАВСТРЕЧУ

На подъеме замирают ноги.
Тянет горьким запахом земли.
По камням и травам без дороги
В грозовую ночь мы в гору шли.

А над нами облака в смятенье
И звезда не светит ни одна.
И скрипит под ветром в отдаленье
Трепетная темная сосна.

И казалось, что ее навстречу
Выслали к нам горы в трудный час.
...Положила ветви к нам на плечи
И от ливня заслонила нас.

ЧАЙНАЯ НА ПЕРЕВАЛЕ

Приходят и уходят люди,
И мы обосновались тут.
А на фаянсовой посуде
Тюльпаны влажные цветут.

И после выюжной свистопляски
Они казались так нежны,
Цветы неслыханной раскраски,
Невиданной величины.

И можно слушать тары-бары
На сон грядущий про луга,
Про тонкорунные отары,
Высокогорные снега.

ВЕРШИНА

Казалось, не приду
Сюда я никогда,
В ущельях пропаду,
Исчезну без следа.

Но отступает лес,
И камни напролом
Идут за край небес,
Как журавли, углом.

И ветер здесь иной
Слетает с ледника.
И низко надо мной
Проходят облака.

КОЧЕВНИКИ

Нельзя кочевье изучить заочно,
Зато увидеть можно наяву,
Как в землю колья всаживают прочно,
Пустив коней в высокую траву.

Пожалуй, здесь и то увидеть можно,
Как набивают обод колеса.
А там неторопливо и надежно
Антенну поднимают в небеса.

И расстилают коврик честь по чести,
И в круглой юрте нету ни угла.
И слушают последние известья,
Окончив неотложные дела.

О том о сем ведутся разговоры,
А кони от порога в двух шагах.
Во все дела заглядывают горы
И отражаются во всех глазах.

И музыка оседлая в избытке,
И до небес уже недалеко.
Очаг разложен посреди кибитки,
И в звездный ковш стекает молоко.

КАНАТНАЯ ДОРОГА

Шумит на склонах корабельный лес.
Ползет наверх канатная дорога.
Как будто мастер в руки взял отвес
И крутизну небес проверил строго.

И где-то там, на чертовом мосту,
Ты согласишься, с надписью не споря,
Что здесь пять тысяч метров в высоту
Над уровнем невидимого моря.

Когда обступят горы в темноте,
Внизу, в ущелье, все дороги спрятав,
Услышать бы на страшной высоте
Скрипенье парусных канатов.

СОН

Мне приснился пастух на коне без седла.
По ущельям он гнал табуны.
И гудела земля, и дорога вела
Через горы до самой луны.

Погоди! Не гони их, пастух, не гони
Быстролетных, как время, коней.
Может, это не кони промчались, а дни —
Сколько было их в жизни моей!

Мерный топот коней отдается в груди,
И пастух окликает меня.
Может, это я сам проскакал впереди,
Уцепившись за гриву коня?

ДЕМОН

Широкие расправив крылья,
Чернеет дерево вдали,
Как дух упорства и усилья,
Чьи ноги к камням приросли.

Не понимаю я, зачем он
Торчит в таком глухом углу...
Быть может, это просто Демон
Опять взобрался на скалу?

И снова утро встало поздно,
И рано в горы ночь пришла.
И только Демон скрупулезно
Исследует, чем дышит мгла.

НАҢ ВИДУ

Через каменный карьер,
По траве в оврагах
Ходит старый землемер
В порыжелых крагах.

Он у мира на виду
Целый день на воле
Лошадь водит в поводу,
А ночует в поле.

И качаются в седле,
В сумке из брезента,
Компас в кожаном чехле
И стальная лента.

И, окинув взглядом мир
На таком просторе,
Дальнозоркий нивелир
Вдруг увидит море.

ПОДКОВА

..И что-то в ней, потерянной в пыли,
Таинственное было в самом деле.
Те, кто ее искали, — не нашли,
Куда они, куда они глядели!

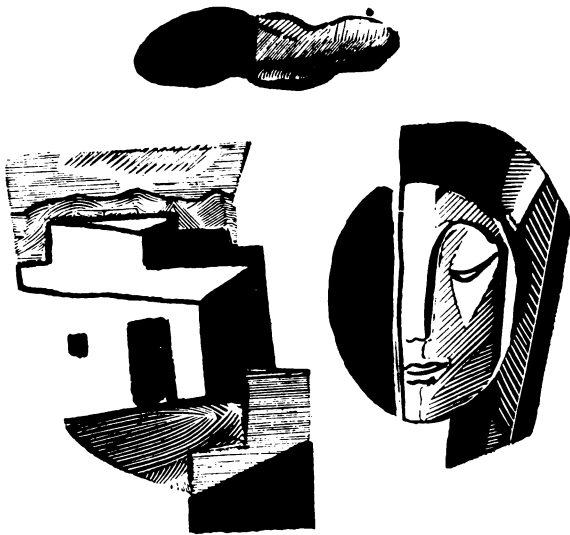
Среди слепых лишь ты один был зряч!
Есть у приметы верное значенье:
Нашел подкову, — значит, жди удач
И всех твоих желаний исполненья!

Возьми ее! Не видел ты коня,
Но вглядывался пристально под ноги.
Мой конь навстречу счастью нес меня,
Да обронил подкову на дороге.

ЗЕЛЕНЬЙ РЯД

Мне встретился случайно под навесом
Знаток былого, старьй романист.
Он расспросил меня о всех знакомых,
О Тамерлане вспомнил между прочим,
Прищурился на солнце и сказал,
Что истинным героем всех событий
Всегда был исторический базар.
А тот, кто повидал базар Востока,
Не позабудет больше никогда
Зеленьй ряд и легкие навесы,
Где в полдень шумно, тесно и прохладно,
А вечером просторно и светло.
И невелик зеленъй ряд как будто,
А умещается в нем целый мир.
И этот маленький пучок укропа
Все так же свеж, как тыщу лет назад.

Да, на базаре в полдень теснота:
Тюки, машины, грузчики, корзины
Плетеные. И все дары земли
Навалены повсюду в беспорядке.
Я даже оглянуться не успел,
Как романист пропал в народной гуще.
Вокруг меня шумел зеленъй ряд,
Пропахший свежим запахом укропа.

||

х х х

Даль олашая у згстави
своим прохзительным свистком,
Пянулись долгие составы
Порожняком, порожняком.

И тихо плакали солдатики,
Издалиа заслышав гул
Боеу на тормозной площадке
Держал позеткий караул.

Вас проволтали дальим взводом,
Стояла тишина,
когда
Вы шли Трестественным парадом,
Расстрелянные поезде.

ИСТОЧНИК

Сквозь толстый слой камней, песка и глины
Проклюнулась подземная струя.
Источник есть на площади старинной, —
Гранитной чаши плоские края.

Широкая скамья в тени каштанов,
На горке дети возятся в песке.
И цепкие крюки подъемных кранов
Удерживают груз на волоске.

И с полотняной книжечкой учетчик,
С карандашом за ухом у виска,
Глядит, как тает в воздухе источник
И в чаше каменеют облака.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

1. Норд-ост

Чтобы стала триумфальной площадь,
Ей нужны победы и века.
А пока над корабельной рощей
Северные стынют облака.

Эти сосны топора не ищут
И бредут на запад и восток,
И еще не прикоснулись к днищу
Ни вода, ни рыба, ни песок.

Но, раскачиваясь постепенно,
Опрокидываясь в вышину,
Шел норд-ост. И, вырвавшись из плена,
Льды несла Двина во всю длину.

2. Преображенское

Он спал, неузнанный и юный,
Преображенский сняв мундир,
Тот, кто судьбу назвал фортуной
И стал не царь, а бомбардир.

Он вздрагивал во сне, как дети,
Уже над ним редела мгла,
Когда гудели на рассвете
Неснятые колокола.

А даль, которая приснилась,
Была задумана давно,
И с тихим стуком отворилось
На Адриатику окно.

А там уже, мечту лелея,
Чтоб достичь эфирных стран,
Читает книгу Галилея
Смиренный инок Феофан.

3. Сподвижники

Была еще та ранняя пора,
Что прояснялась только год от году,
Пока росли сподвижники Петра,
Чтоб с ним пройти через огонь и воду.

Иван Неплюев азбуку постиг.
В Валахии семейство Кантемира.
Все врозь еще. Но может, в этот миг
И начиналось сотворенье мира.

Простор морей еще был глух и нем.
Не слышал Гангут пушечного грома.
Шумит норд-ост. А шкипер между тем
В свой сундучок кладет бутылку рома.

А в Африке он даже не бывал
И в гости не заходил к арапу.
Но вот корабль. И мальчик Ганнибал
Пугливо поднимается по трапу.

ЗА ДРУГИ

1. Шипка

Орел над скалами парит,
И ветер дышит знойно.
Чуть-чуть ветвями шевелит
Стеной разросшийся самшит,
На Шипке все спокойно.

Уходит в гору вышина
Степенно и достойно.
На бастионах тишина.
Давно окончилась война.
На Шипке все спокойно.

2. Пушкири

В ложементах грозные орудья,
Темное чугунное жерло.
На лафеты налегая грудью,
Пушкири дышали тяжело.

Расступитесь, горы-великаны,
Ночка перед боем коротка,

Ой вы горы, каменны Балканы,
Опустились низко облака!

Положили жизнь свою за други...
Шипка, Шипка, слышишь сердца стук?
Порохом пропахли наши руки,
Пушки в землю врезались, как плуг.

3. София

Я отброшу глухие ставни,
Чтоб увидеть мой век, мой день,
Голубей на софийском камне,
Сизокаменную сирень.

По-болгарски окно — прозорец.
Как родство этих слов постиг
Тот провидец, языкотворец,
Никогда не читавший книг?

Как же он заглянул далеко!
А для мысли пределов нет.
И когда прозревает око,
Все окно наполняет свет.

КАПЕЛЬ

В кювет машину занесло.
И, выключив мотор,
Тропинкой я пошел в село
Через сосновый бор.

Стояла ранняя весна.
За тридцать земель
Глядела каждая сосна
И слушала капель.

О чем-то спорили грачи.
Как будто на врага,
Летели новые ручьи
Сквозь старые снега.

И вот от дома в двух шагах
Вдруг оборвался лес.
Лишь красный отсвет на стволах
От голубых небес.

Неторопливы и легки,
И метят прямо в цель,
Стучат по крышам молотки:
В сто точек бьет капель.

ПРИСТАНЬ

Когда-нибудь я вновь приду туда,
Где мы с тобой проститься не успели,
И вдруг увижу: темная вода
Становится прозрачною в апреле.

Опаздывал последний теплоход,
И торопливо убрали сходни.
И вот уже на пристани народ
И говорит и движется свободней.

А сколько дела было впереди!
Гудок протяжный торопил в дорогу.
Потом пошли осенние дожди,
И опустела пристань понемногу.

АПРЕЛЬ

Проходят дни. Проходят ночи.
Идут дожди. А лес молчит.
Но в скорлупу лиловых почек
Зеленый лист уже стучит.

Еще в лесу светло и тихо.
Едва оттаяла земля.
И в буреломе спит зайчиха,
Во сне ушами шевеля.

И по камням, по корягам,
Среди сосновой толчеи
Сошлись на спевку по оврагам
И голос пробуют ручьи.

Начнут ли шелестом растений,
Продолжат ли по-птичьему звук,
Тогда от этих наваждений
Растает заячий испуг.

НА ПЕРЕПРАВЕ

Мне и на этот раз не довелось,
Хотя уже светало понемногу,
Увидеть вдруг, как белоногий лось
Из мелколесья вышел на дорогу.

Но возле самой городской черты,
Меж темных сосен поднимаясь в гору,
Я видел деревянные щиты,
Полубрушенную лисью нору.

Она сухою вышла из воды,
Укрыта хвоей от дневного света.
А лисьи хитроумные следы
Теперь уже растаяли бесследно.

И только звезды, словно родники,
Пробились в небе после ледолома.
И я на переправе у реки
С народом терпеливо ждал парома.

ЧУДО

Строители читают чертежи,
Прямые и стремительные строки.
Над полигонами летят стрижи,
Машины покидают гаражи,
Везут асфальт, кирпич, бетон и блоки.

Что есть строитель? Это человек,
Который постигает постепенно
Работу ветра и работу рек,
Все, что природой создано навек
Без гвоздика, без шва, без автогена.

Наука инженерная сама —
Лишь продолженье чуда, в самом деле!
Верь, что прямая линия пряма,
И вот они — просторные дома,
Мосты, дороги, башни и тоннели.

ПЕРВЫЙ БАЛ

Крутой комэск, в походах сбивший стремя,
Сказал: — Друзья, мои виски белы!
Балами нас не баловало время,
Но признаюсь, что я люблю балы!

Валторны были там, где мы бывали,
А я, пожалуй, всюду побывал.
Какие вальсы слушал на вокзале
И на привале, если был привал.

Степь в ковылях. Полночная беседа.
А юности, казалось, нет конца.
Пусть первый бал, как первая победа,
Военной медью захлестнет сердца!

СЕНТЯБРЬ

Пустые лодки на приколе.
Клин перепаханной земли.
Горит окно в кирпичной школе,
И улетают журавли.

Еще не слышно листопада,
И не сошла еще трава.
Но, глядя на зиму, как надо,
Мы пилим круглые дрова.

Внизу разучивают гаммы,
И музыка звучит, как встарь.
Вставляются вторые рамы,
И открывается букварь.

Уже в полях просторней стало,
И голоса слышней вдали.
Глядишь, и все как будто мало
Ты взял от неба и земли.

ОБЛАКА

Облака изменяют местность.
Есть в озерах отблеск небес.
Самолет углубился в древность,
Под крылами дремучий лес.

Облака размахнулись щедро,
Разлетелись и вкривь и вкось.
Где-то белка скачет по кедру
И рога наклоняет лось.

Там охотничий лай овчарки
И лесной вековечный плен.
Деревянный конек хибарки,
И зубцы монастырских стен.

Самолет залетит высоко,
А земля все так же близка.
Перед ним во мгновенье ока
Расступаются облака.

ГЛИНЯНАЯ ПТИЦА

У горлинки свои причины
Опять покинуть этот кров,
Как будто вылепил из глины
Ее веселый птицелов.

Ей все чего-то не хватает.
Размаха ль нет в ее крыле?
Она с усилием летает,
Неловко ходит по земле.

Но встреча с нею — это праздник,
Когда с вечерней высоты
Она летит на виноградник
И не боится темноты.

Прохладой дышит черепица.
В гнездо у самого окна
Садится глиняная птица
И не клюет из рук зерна.

• • •

В канун зимы земля крепка.
И желтый лист в окно стучится.
Зима покамест далека,
Но за ночь может все случиться.

ЛЕФОРТОВО

Отец ослеп в конце войны. Я помню,
Как он стоял в лефортовской палате
В мундире, в орденах, простой и строгий,
И слушал гром салюта над Москвой.
Что видел он?

Поля, аэродромы,
Друзей, погибших в танковой атаке? . .

Иль безоружных брошенных в Турцию.

Он не любил рассказывать об этом
И госпиталь старинный не любил.
А перед смертью вспомнил, как однажды,
Давным-давно, в Нагорном Карабахе,
Сидела женщина под шелковицей
И шерсть мотала, расправляя пряжу.
И вдруг с ее колен клубок скатился
И побежал по выжженной земле.

Как далеко идут воспоминанья,
Все катится оранжевый клубок!
В тени под материнской шелковицей
Чему-то улыбался он во сне.

Гремели марши. Шли домой с победой
Солдаты, повидавшие полмира.
И песенки цветных трофейных фильмов
Звенели всюду. Шел народ с войны.
Он слышал все и знал, что затемненья
Давно уж нет в помине. И повсюду
И в окнах свет и на мосту огни.

ПОРА!

Я слышал вас, восточные поэты,
Переводил старинные газели
И новые журнальные стихи.
Вы говорили: — Белая дорога! —
А это значит: — В добрый путь! Пора!

Мне почтальон приносит корректуру,
Листочки в черной типографской краске,
Я отправляю их обратной почтой
И еду дальше по следам стихов.
А рукопись становится похожей
На карту, побывавшую в дороге.

Она измята, склеена и сшита,
По ней прошелся твердый карандаш.
Условные ее обозначенья
Неотделимы от воспоминаний.
И рукопись лежит передо мною
Подробная, как путевой дневник.

И я увидел белую дорогу.
Среди полей совхозных, через горы,

Через плотины, вдоль больших каналов,
По городам из глины и бетона
Ведет от сердца к сердцу вечный путь.

Ужели переводы — это только
Расказ правдивый о чужой любви?
И вдруг поймешь, что это невозможно —
Пересказать словами свет звезды.

Я становлюсь свидетелем случайным,
Но посвященным в тайное значенье
Чужих, вначале непонятных слов.
Не знаю почему, но все газели
Звучат как эпитафия любви.

Поэт, бывало, в университете
Читал стихи и толковал Платона.
И все прошло. И ты бывала здесь,
И многие тебя не позабыли.
А я брожу один по городам,
Перевожу старинные газели
И новые журнальные стихи.
Но белая дорога нас приводит
К началу наших странствий и тревог.
И может быть, на позабытый голос
Вдруг первая откликнется любовь.

КОЛИЗЕЙ

Я в южном городе люблю кинотеатры,
Где с опозданием начинаются сеансы
И на скамейках под открытым небом
Широкими и чинными рядами
Внимательные зрители сидят.
Люблю их громкие и славные названья:
«Стрела», «Спартак» и даже «Колизей».

На небе звезды или на экране,
Уже не разобрать — повсюду ночь.
А с улицы доносятся гудочки,
Скрежещут тормоза автомобилей,
И на экране улица в огнях.
Но постепенно голоса крепчают
И действие растет как на дрожжах.
Мы ничего не слышим и не видим,
За исключением того, что слышим
И видим на экране. Между тем
Большие тучи застилают небо.
Темнеет лес. Но ты уже взлетел
На старом одноместном самолете,
И на тебя нацелилась гроза.

Когда сверкала молния над нами
И на мгновение бледнел экран —
И мы бледнели, словно мы летели
Сквозь две грозы.

Огромный «Колизей»

Уже был слит с историей навеки.

Гроза упала с неба прямо в душу,
Не увлажнив запекшегося рта.
А под экраном в узкой длинной грядке
Сверкают розы в капельках дождя.

Я позабыл, что было на экране,
Но я запомнил ночь и «Колизей»,
Где на скамейках под открытым небом
Широкими и чинными рядами
Внимательные зрители сидят.

В РОДНОМ ГОРОДЕ

Я выхожу на улицы, и сразу
Меня захватывает их движенье.
И я ловлю обрывки разговоров,
То деловых, то нежных, то печальных,
И слову каждому я рад, как другу,
Как будто в нем тебя я узнаю.
«Как поживаете?», или «До скорой встречи»,
Или растерянное «До свиданья» —
Загадка встречи прячется в словах.

Я напишу когда-нибудь стихи
О времени, пространстве и движенье,
Чтоб вновь услышать голос твой, как будто
Иначе нам и встретиться нельзя.

Вы замечали? Если не надолго
Мы расстаемся, то легко и смело
Мы говорим друг другу: «Ну, прощай!»
Но если нам разлука путь укажет
На много лет, мы говорим: «Всего!
До скорой встречи! Напишу, конечно!»

На письмах даты.
Может быть, вся жизнь.

И только тем, кого мы никогда
Уже не встретим в этой жизни (странно,
Что мы всегда угадываем это),
Мы не решаемся сказать: «Прощай!»

Вот так мы покидаем город детства.
Вернемся — нас никто не узнает.
И мы глядим с таинственной улыбкой
На тех, кто и не знал нас никогда.

Там, за домами, море. Шум волны
Не слышен в городе. И крики чаек
Неразличимы. Кажется далеким
Тот край, где море, небо и земля,
Не уступая ничего друг другу,
Хранят испытанный союз. И все ж
Прислушайся — и ты услышишь море.

Оно шумит в ушах, плывет в глаза
И нарушает плеском разговоры.
О чем оно? Куда оно зовет?
Как музыка внезапная тревожит,
Вспоминаньем дразнит и невольно
Само с собой о жизни говорит.

А мне, сказать по совести, отсюда
Ничто уже не кажется далеким.

Ежемгновенно изменялось море,
Переменялись сны. И только та,
Которая пребудет неизменно,
Нигде не покидала нас земля.
О родина!
Я изучал прилежно
И карту века и закон любви!
И я хочу сказать, что только парус
Живет косым давлением пространства.

III

ПОЛУСТАНОК

Мне говорили: лик пустыни,
Едва сей грозный мир возник,
Был полон гнева и гордыни,
Еще досель он хмур и дик.

И на последнем полустанке
Я и не думал, не гадал,
Что всюду встречу след стоянки,
Жилье, дорогу и канал.

Что, испокон веков хранима,
Не исчезает никогда
Примета быта — запах дыма,
Знак изначального труда.

ПРОСТОР

В объезд короче и надежней путь.
Останови попутную машину,
Договорись с шофером как-нибудь
И полезай в железную кабину.

Закуривая с толком, не спеша
(Пускай теперь торопится машина!),
Поговори с шофером по душам
О том, что есть на все своя причина.

И степь, померкшую за ветровым стеклом,
Восстанови в первоначальном виде.
А я пойду полями, напрямиком,
На дальность расстояний не в обиде.

СТОЯНКА

Веток обугленных серая гряда.
Взгляд — свысока — у верблюдов надменный.
Может быть, кажется им, что отсюда
Недалеко и до края вселенной.

Вновь раскаленным железом домкрата
Вздыблена рама разбитой трехтонки.
Нам еще долго идти до заката —
Два перехода до бензоколонки.

■ ■ ■

Верблюжья степь за Оренбургом.
И низко стелется кизячный дым.
Подсолнухи на редких полустанках,
Сверкая, как радары, вслед за солнцем
Тихонько поворачивают лица
И смотрят не мигая прямо в цель.

КАРАВАН

Этот путь до конца победного
Ты припомнишь еще не раз.
Перезвон колокольчика медного
И верблюжий злопамятный глаз.

Как пылила пыль караванная
По степи на бугор с бугра
И плыла, плыла оловянная,
Окаянная синь-жара!

На курганах сидели вороны,
Выползали гады из нор.
И на все на четыре стороны
Бездыханный лежал простор. . .

Путь лежит перед ним немереный,
И верблюды идет, как судьба:
Поступь гордая, шаг размеренный,
Ироническая губа.

Через степи он шел за пращуром,
И сейчас он кричит с тоской
То ли лебедем, то ли ящером
Над потерянною рекой.

СЕДЬМОЕ НЕБО

Пойдешь направо —
 пески и небо.
Пойдешь налево —
 пески и небо.

Лежит пустыня ниже травы,
Тише воды в колодце.

Не доверяйте этой тишине!
Не потому, что может грянуть буря
Песчаная, без молнии и грома,
Когда земли коснутся облака,
Не потому, что буря за горами,
А горы где-то очень далеко.

Есть буря неприметная для слуха.
И что пред ней песчаный ураган!
Она едва уносит по крупице,
Но может все пески пересчитать.
Вот почему один среди обломков
Каких-то скал, похожих на трезубцы,
Сидит седой орел и перья чистит
И сторожит умолкнувшую жизнь.

И вдруг открылись каменные своды,
Они ведут под землю, в лабиринт
Ступенек, переулков, переходов,
Где прячется от взоров обжитое —
Следы огня в погасшем очаге.
И наконец я подошел к порогу,
Покинутому лет тому семьсот.

Набегом начиналась эта буря,
И между пальцев утекла вода.
Песчаные сгустились облака.
За семь столетий в семь накатов небо
За слоем слой росло над городами.
И над засыпанными куполами
В песчаном небе проходили кони,
И двигались повозки, и звучала
Изменчивая речь живых людей.

Я семь веков прошел, как семь небес,
И возвратился на седьмое небо.

ЧЕЛОВЕК

Ползли пески. И обновлялись луны.
Через пустыню проходили гунны.

Я помню, как склонялись до земли
Под тяжестью повозок ковыли.

И как горела степь. И как росла
Громада неразгаданного зла.

Как поднимался на войну народ,
И песнь любви вела его вперед.

Как зарастали страшные следы,
И колос поднимался до звезды.

НАДПИСЬ НА ЧАШЕ

У этой чаши по краям
Витые письмена.
Так говорил Омар Хайям:
«Для жизни жизнь дана».

Гуляла чаша на пирах,
Пережила века.
И оживает на губах
Забытая строка.

ДВЕНАДЦАТЬ

Шесть мальчишек, шесть девчонок
Начали войну.
Ганишер кричал спросонок:
— Я вас прокляну!
Ни одной спокойной ночи,
Праздничного дня!
Почему усы короче
Стали у меня?
Сто затей, и двести шишек,
И глаза в слезах.
Шесть девчонок, шесть мальчишек,
Помоги, аллах!
Все двенадцать смуглолицы,
На руках загар.
Без детей дома — гробницы,
А с детьми — базар!

ЗА ОГРАДОЙ КАРАНТИНА

1. Перекур

Не меня ли измаяли гати,
Иссушили дренажные рвы.
И опять я лежу на кровати
И не в силах поднять головы.

Вспоминать-то об этом не сладко,
Да к тому же не помню числа,
Как схватила меня лихорадка,
Как меня лихорадка трясла.

Потрудились за милую душу!
Не развяжешься с нею никак.
Я твой сон, говорит, не нарушу,
Только знай: твое дело — табак!

Коли так, разживемся закруткой,
Подавай, лиходейка, огня!
Комаров отгонять полукрупкой,
Камыши и болота кляня.

Погоди, говорю, честь по чести
Мы продолжим с тобой разговор,

Все твои комариные вести —
Это просто нелепость и вздор!

Но неделю, другую и третью
Сушь во рту и в душе маета.
Перекур между жизнью и смертью
В беспристрастной степи Нур-Ата.

2. Ночь

Огни не поддаются пересказу.
Приснится вдруг летящая листва,
Причал, где ветер обрывает фразу,
И острова,
И тишина за шторами больницы,
Покуда полночь не поднимет век.

Не перескажешь медленной зарницы
За целый век.

3. Никому

Препорученный надзору
Понимающих врачей,
Я брожу по коридору,
Где огонь горит ничей.

Мне припомнилась сирена
И глухой больничный двор.

Это твой, ночная смена,
Свет бессонный из-за штор.

Слышишь, дождь стучит в ворота,
Но и он еще ничей
После бреда, перелета
Возвратившихся грачей.

Эта ночь луною резкой
Вся до дна озарена,
Чтоб играла занавеской
Госпитальная весна.

За оградой карантина,
Если все припоминать,
Ночничок желтой хинина
И железная кровать.

А флакончики и склянки,
Разлинованный стакан
Тихо встали у лежанки,
Как последний караван.

Лихорадка! Но ни звука!
Не желаю никому.
Вся тропическая скука
Поселяется в дому.

4. Гроза

Выздоровленье как прозренье.
Не поднимая головы,
Ты слышишь листьев приземленье
И прозябание травы.

Окно откроется без стука,
А там гроза глядит из туч.
Предчувствуешь рожденье звука
И предугадываешь луч.

С каким-то странным напряженьем
Мир обретает свой объем.
Уходит врач. Одним движеньем
Раскрылся зонтик под дождем.

ОСЕНЬ

Как празднична любая малость
На переполненном столе!
И лишь душа в полях осталась
Искать колосья в тучной мгле.

И, не смутив воды паденьем,
Слетает лист на темный пруд.
Я повторю с недоумением:
«Окончен труд, окончен труд. . .»

ВЫСОТА

Степь. Реактивных самолетов тень.
Старинной башни розовый обломок.
И на коне встречает новый день
Кочевников наследник и потомок.

Однажды и его попутал бес.
И позабыл родную степь философ.
Он с головой в библиотеки влез,
Вникая в суть ученейших вопросов.

Но в сердце сила тайная жила.
И, книжного ученья не пороча,
Она все громче в степь его звала,
Где все пути к познанию короче.

Он наступил уже на хвост судьбы.
И доброй силе нет противовеса.
Вот он коня вздымает на дыбы
И с высоты копьем пронзает беса.

■ ■ ■

Остынут пески
От вечерней звезды.
И проводники
Потеряют следы.

А даль все светла,
И все выше бархан.
Где песня прошла,
Там пройдет караван.

ГАЗЛИ

Алмазный бур кружит без передышки.
Среди горячих земляных работ
На горизонте нефтяные вышки
Стоят, как старый корабельный флот.

Не облако, а парус без названья,
Коснувшись мачты, тает на лету.
А мачта широка у основанья,
Она растёт, сужаясь в высоту.

Шофер в комбинезоне закоптелом
Дорогой новою катил в пыли,
На поворотах чувствуя всем телом,
Как изменяется пейзаж земли.

ВСТРЕЧНЫЙ

Я поклонюсь узкоколейкам,
Садясь в высокое седло.
Ты скажешь: — Ассалям алейкум! —
И станет на душе светло.

Быть может, мы встречались где-то,
А может, это и не так,
Но жест старинного привета —
Благоволенья верный знак.

И конь с дороги не собьется,
Пройдет сквозь воду и огонь,
Когда вот так груди коснется
Сухая узкая ладонь.

И это праздничное слово
Сверкнет над степью неживой.
Алейкум ассалям! — и снова
Ты полон жизнью кочевой.

А паровозик маневровый
Уже остался за холмом,

Чтоб даже столб километровый
Несбыточным казался сном.

Среди пустыни бесконечной,
Где ни проехать, ни пройти,
Да будет мир с тобою, встречный,
Ты как желанный друг в пути!

ДНЕВНИК

Дневник вторичен. Тень моя вторична.
И недоразуменьям нет конца.
Зачем же захотел он, как обычно,
Заговорить от первого лица.

Он там еще со мной завел беседу,
В пустыне, у костра, среди машин,
Чтобы и вас теперь вести по следу
Туда, где я когда-то был один.

Дневник окончен так же, как был начат.
Без пропусков к строке легла строка.
Он слова бы не мог сказать иначе,
И я не отрекусь от дневника.

ВЫЗОВ

Чаще всего
Я сталкивался с неизвестностью.
Она была повсюду.
Пока я узнавал одно,
Открывалось что-нибудь другое.
Это похоже на бесконечное уравнение.
Чтобы взяться за решение такой задачи,
Нужна смелость.
Но, слава богу, я не один:
Примеры заразительны.

Я слушаю разговоры в вагоне
На Транссибирской магистрали,
Где на поворотах закаты и восходы
Врываются в окна то слева, то справа,
Где каждая новизна внезапна,
Как мост над рекой
Или тоннель в горах.

Я играю в шахматы,
Не хмурю лба,
И выходит,

Что на свете нет ничего случайного.
Шахматы, например,
Это — прекрасная школа,
В которой узнаешь,
Что такое возмездие.
Все проигранные партии
Проиграл я сам.

Неизвестное! В тебе заключен вызов
Моему спокойствию.

Я еще ничего не знаю,
Но ты снимаешь трубку,
Набираешь номер —
И я бросаюсь к телефону.

ДИСПУТ

Я изучал историю
В университете,
Основанном революцией
На Востоке.
Все двенадцать факультетов
Бредили актуальностью.
Мы читали программы,
Как свежие газеты,
И всегда находили новости.

Шел листопад.
Изредка выпадал снег,
И тогда далекие горы
Становились ближе.

Шли диспуты.
Слушали: нужна ли поэзия?
Студент философского факультета
Прочитал стихи Бабура.
Юноша из Африки
Переводил Тютчева

И пел, закрыв глаза,
«Про древний хаос, про родимый».

Постановили:

Поэзия нужна нам сегодня,
Чтобы нас могли понять завтра.

ПИСЬМА

Только тот,
Кто жил в маленьком гарнизоне,
Где-нибудь на краю мира,
В старой крепости,
Со всех сторон окруженной
Песками,
Где на древнем дереве
Гнездится аист,
А в земле можно найти
Наконечники скифских стрел, —
Только тот и понимает,
Что такое почта,
Которую привозят
На вертолете
Вместе с водой
И хлебом,
Вместе с оружием
И цветами к празднику!

Если человек
Получил письмо,
Его больше ни о чем не спрашивают.

Он получил письмо!
Значит — его помнят,
О нем думают.
Его любят.
Все остальное приложится,
Лишь бы не обрывалась эта нить,
Которая связывает настоящее
С прошедшим и будущим.

Где вода —
Там жизнь,
Где письма —
Там любовь.

Если человек
Не получил письма,
Его ни о чем не спрашивают,
С ним стараются
Заговорить
О чем-нибудь другом. . .

ОНА

Она ничего не умела:
Ни слушать,
Ни говорить,
Ни сердиться,
Ни смеяться,
Ни обижаться,
Ни прощать.

Она курила
Злые сигареты,
Смотрела исподлобья
И кашляла от дыма,
Как будто была больна.

У нее были прекрасные руки,
Черная челка
И большие глаза.
У нее было умное сердце,
Но она об этом не догадывалась
До того самого прекрасного дня,
Который называется
Однажды. . .

**В этот день
Она сразу научилась
Слушать,
Говорить,
Сердиться,
Смеяться,
Обижаться
И прощать.**

В ГОРОД ВХОДИТЬ НЕЛЬЗЯ

— Нет, нет, — сказал не спеша санитар. —
Не беспокойтесь. В нашем городе
Ничего такого нет. Но где-то в песках
Нашли мертвого верблюда.

Гостиница превратилась в карантинный
Барак.

— Пойти купить спиртного, —
Сказал бывалый сосед в пижаме. —
Во время чумы помогает!

Все дороги перекрыты военными кордонами.
Из города нельзя выехать,
В город нельзя войти.
Междугородный телефон
Работает круглые сутки.

Санитар не глядя
Дал мне книгу Льва Толстого
Из карантинной библиотеки
И ушел в приемную
Мыть руки
Марганцевым раствором.

Горячий ветер шевелил
Зеленые занавески.

Я посмотрел в окно.
Был прекрасный день.
На плоской крыше
Соседнего дома
Девочка в бархатном жилете
Загляделась, кажется, на облака.
На углу главной улицы
Человек на костылях,
Еще сохранивший выправку,
Покупал свежие газеты.
На тоненькой ниточке
Из-за крыш, дувалов и садов,
Пробуя ветер,
Медленно поднимался в небо
Бумажный змей.

Нет, нет!
Я не забуду никогда
Этот гостеприимный город,
Созданный для счастья,
Где белые стены домов
Сверкают на солнце,
Где никто не торопится
С дурной вестью,
Надеясь,
Что она не оправдается,
И где тополя живут
Триста лет.

ВАЛЬС

Повинуясь звуку,
Хочешь или нет,
Слушай вальс-разлуку
Через много лет.

Что там, бога ради,
Вспомнил геликон?
На большой эстраде
Капельмейстер Кон.

Посредине мира,
Как на островке,
На погонах лира,
Палочка в руке.

Кто кого теряет,
Кто кого найдет?
Хорошо играет
Музыкальный взвод.

И легки, как прежде,
Вечера твои,

Верные надежде,
Верные любви.

Только блеск медали,
Только даль светла.
Годы пролетали,
Молодость прошла.

Капельмейстер, сжался!
Но сомкнулся круг.
И вся тайна вальса
В том, что нет разлук.

ПИР

Когда в песках поставят веху,
Поедем в гости за сто верст
Глядеть на конную потеху
И пировать при свете звезд.

И на рассвете ветер синий
Сухой камыш качнет слегка,
Чтоб караван, как ритм пустыни,
Связал пространства и века.

Путь караванный, очень старый,
Оберегает от беды,
Когда вокруг шумят базары,
Цветут согдийские сады.

И мы на пир придем сегодня,
Смешаемся с толпой зевак.
Смотри, как резво рвет поводья
Нетерпеливый аргамак.

Вот поравнялись, скачут близко,
Гремят копыта, словно гром.

Светлее солнечного диска
Пылает черный ипподром.

На скачках каждый праздный зритель
Внимательно глядит вокруг.
Часы получит победитель
И право на почетный круг.

О, репортерские мученья —
Искать и находить в пыли
Не потерявшие значенья
Красоты неба и земли!

Но если пестрый хвост павлиний
Перед тобою весь раскрыт,
То где-то, братствуя с пустыней,
Таится повседневный быт.

НЕ РАЗЛУЧАЯ

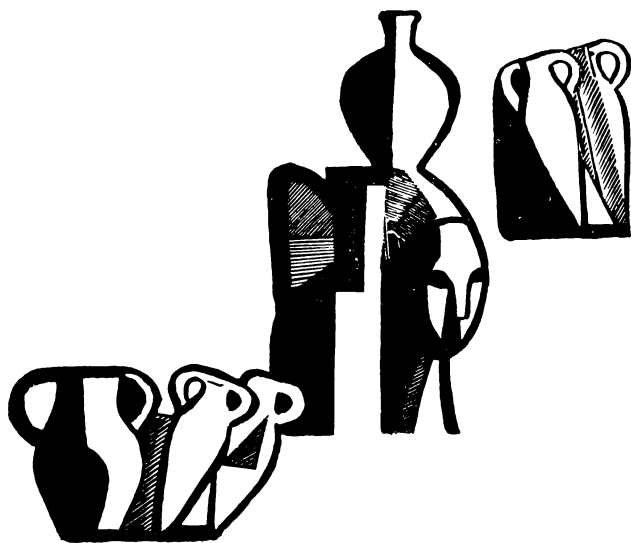
Перевалив через бархан,
Мы перешли меридиан.
И голос цинковый песка
Мы узнаем издалика.
До новых встреч не в первый раз
Пустыня обступила нас.
И проводник из-под руки
Глядит на красные пески.

Вода, как звезды, холодна,
Звезда едва-едва видна.
И ворон, черное крыло,
Взлетел с бархана тяжело.
Плесни в лицо, еще плесни,
Подпруги туже затяни.
Я погляжу еще с седла
На тень от черного крыла.

В песках теряется вода,
Мелькнет — и не найти следа.

Но кто б ты ни был, все равно,
Да освежит сухое дно
Походных узкогорлых фляг
Железный ключ — Темир-Булак.
Он будет памятен, как сон,
Одетый в камень и бетон.

Пространства разделяли нас,
Но есть меридианный час.
Он здесь, среди песков глухих,
И там, на ходиках твоих.
Он шел к тебе, пришел ко мне,
Как по натянутой струне.
Пространства разделяли нас,
Не разлучая ни на час.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Деревья	7
Сад	9
«О Марко Поло и Клавихо...»	10
Одиссей	11
Юность	12
Мнемозина	13
Тишина	14
Поэт	15
«Дорога выведет к подножью...»	16
Жажда	17
Навстречу	19
Чайная на перевале	20
Вершина	21
Кочевники	22
Канатная дорога	24
Сон	25
Демон	26
Перевал	27
На виду	28
Подкова	29
Зеленый ряд	30

II

Источник	33
Сотворение мира	34
1. Норд-ост	34
2. Преображенское	34
3. Сподвижники	35

За други	37
1. Шипка	37
2. Пушкари	37
3. София	38
Капель	39
Пристань	41
Апрель	42
На переправе	43
Чудо	44
Первый бал	45
Сентябрь	46
Облака	47
Глиняная птица	48
«В канун зимы земля крепка...»	49
Лефортово	50
Пора!	52
Колизей	54
В родном городе	56

III

Полустанок	61
Простор	62
Каракумы	63
Стоянка	64
«Верблюжья степь за Оренбургом...»	65
Караван	66
Седьмое небо	68
Человек	70
Надпись на чаше	71
Двенадцать	72
За оградой карантина	73
1. Перекур	73
2. Ночь	74
3. Никому	74
4. Гроза	76
Канал	77
Осень	78
Высота	79

«Остынут пески...»	80
Газли	81
Встречный	82
Дневник	84
Вызов	85
Диспут	87
Письма	89
Она	91
В город входить нельзя	93
Вальс	95
Пир	97
Не разлучая	99

Бабаев Эдуард Григорьевич

КРАТЧАЙШИЕ ПУТИ

М., «Советский писатель», 1969, 104 стр. Тем. план вып. 1970 г. № 122
 Редактор Е. С. Елисеев. Художник М. В. Эльконина. Худож.
 редактор В. В. Медведев. Техн. редактор З. Г. Игнатова.
 Корректор Л. А. Матасова. Сдано в набор 20/X 1969 г. Подписано
 в печать 14/XI 1969 г. А10836. Бумага 70×108^{1/2} № 1. Печ. л. 3^{1/4}. (4,55) Уч.-
 изд. л. 2,22. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1466. Цена 24 коп. Издательство «Со-
 ветский писатель». Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10. Ленинградская
 типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете
 Министров СССР. Красная ул., 1/3

24 коп.

